

ДМ. КРИВЦОВ

Милосердный и Радостный

ПАРТИЗАН ПУСТОТЫ-2

Дм. Кривцов

**Милосердный и Радостный.
Партизан пустоты-2**

«Издательские решения»

Кривцов Д.

Милосердный и Радостный. Партизан пустоты-2 / Д. Кривцов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832202-0

Когда ты на миг открываешь глаза и видишь весь этот мир как он есть — нет, не то что настроенный против тебя, — а просто совершенно чужой и тусклый, из внутренней пустоты выходит старый партизан, строго оглядывает его и уходит обратно. И ничего от этого не меняется.

ISBN 978-5-44-832202-0

© Кривцов Д.
© Издательские решения

Содержание

Утро для Анастасии	6
Мириам	7
Фея Фея	8
Розалинда Карловна и ее черепаха	9
∞	10
Точное время /Теперь, когда не время для стационарных связей/	11
Люди С Зонтиками, Ждущие Трамвая	13
Романс	15
Дед Вомхуй	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Милосердный и Радостный Партизан пустоты-2 Дм. Кривцов

© Дм. Кривцов, 2016

ISBN 978-5-4483-2202-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Здравствуй,
я это письмо пишу тебе днём,
Завтра нас здесь не будет.
Кончится мир – никто и не вспомнит о нём,
А если кто вспомнит – то сразу забудет.

Теплу этих звёзд уже не достать до земли,
Напрасных надежд не дарить, не обидеть.
По этой воде раньше шли корабли,
Теперь же такое, что лучше не видеть.

Потеряно всё, даже список потерь.
Трещит свод небес, восхваляя разлуку.
Грядущее – как
насмерть раненый зверь,
Рыдает и лижет убившую руку.

В обещанный день обнаженную боль
Собрали всем миром – не больно-то густо.
На что ни умножь – получается ноль
И как ни грузи – всё равно внутри пусто.

Что было когда-то – теперь всё равно.
Четыре стихии – исход одинаков.
Лист белой бумаги уходит на дно
Под грузом зачем-то начертанных знаков

Я это письмо писал тебе днём,
А завтра здесь просто не будет.
Мир кончился – кто теперь вспомнит о нём?..
А если и вспомнит – пусть лучше забудет.

Утро для Анастасии

Утро начинается так.

Скрипом ветра дверь приоткрывается и через щель шмыг – вот оно, здесь.

Заговорит сквозняком про то, что вот есть на свете нужная всем вещь фитнес, да к ней ещё машина положена такая, что сама стирает, гладит и посуду моет. И поскольку есть оно всё у каждого, то пора, мол, задуматься о проблеме зануления, которое в их трехфазном двигателе способно в час погубить это общечеловеческое счастье.

А Анастасии – куда оно? В доме пол – рухлядь, да потолок – косые разводы в трещинах. Что ей до трехфазного заземления?

Сидит на крыльце, смотрит на покой восходу, думает: и вроде не беспутная, чтобы у меня, не как у всех людей, – да не выходит.

А мимо соседка Дарья проедет. В машине мерседес, багажник с надписью sale.

– Доброе утро! – говорит Дарья.

Вскинет Анастасия челку, ответит:

– Вечер покажет, насколько доброе.

– И то правда, – скажет Дарья, да поедет дальше по своим делам.

Анастасия смотрит ей вслед. На то, как поднимается пыль по дороге, как пропадет за поворотом или под горкой, да появится снова. То спичечным коробком, то точкой. А потом только дым с выхлопной трубы.

А после и дыма не останется.

Одна дорога.

Мириам

Мне легко у господина на ладони.

Я не из тех, кто пытается прыгнуть, топтать ногами, пить алкоголь и резать вену в заботливой ванне.

Я податливо щурюсь лучу солнца, что щекочет мне ресницы, и довольна игривому ветру, смахивающему брызги света с щёк.

– Мириам, Мириам! – слышу я.

Но даже ухом не поведу. Пускай понервничают да побеспокоются.

Тем более, что там, с болот, хриплое пенье капитана «Хэй-хэй, если есть на свете порт всех морей, – похоже, что он где-то здесь» почти перебивает их крик.

Честно говоря, мне бы хотелось, чтобы так было всегда.

Но этот запах каштанов, этот вкус свежеспеченных облаков, – никуда не деться, – снова заставляет меня спускаться вниз ещё раз подразнить старушку вечность своим невзрачным присутствием.

Фея Фея

– И, знаешь ли, милочка, – сказала Фея, – всё-таки восемнадцать есть восемнадцать. Лесник он или хер собачий.

Та вскрикнула, зарыдала всхлип, бросила ладони к лицу и кинулась прочь.

– Ну и пошла ты нахуй, – подумала Фея.

Горох перебирай.

У самой жизнь не сахар.

Крысы да тыквы.

– Не вернусь я походу, – сказала она, обратившись к своей единственной подруге – Волшебной палочке.

Та в сою очередь – клюнув через стеклянную перегородку истлевшей стороной в дно неубранной пепельницы – продолжила догорать уже ни для кого.

Просто так.

Раз уж подожгли.

Розалинда Карловна и ее черепаха

Розалинда Карловна пила графинчиками.

Если в графинчике оказывалось что-то кроме водки, она очень сокрушалась, качала головой и цокала языком. Говорила она при этом так: ай-яй-яй. И больше уже к этому графинчику не прикасалась.

Ежели в графинчике оказывалась водка, Розалинда Карловна удовлетворенно вздыхала, кивала головой, после чего употребляла графинчик уже полностью. Потом она промокала губы кружевным фартуком и, не обращаясь ни к кому, шептала так: Данке шон.

При этом ее старая черепаха из вида *Geochelone elephantopus abingdoni*, предметом мебели стоящая в углу, вытягивала шею из панциря и подмигивала Розалинде Карловне.

Тогда Розалинда Карловна краснела, кокетливо грозила черепахе пальчиком, поворачивалась и шла в кухню, виляя огромными бедрами и поправляя сбившуюся прическу на голове.

Казалось, она что-то напевала и уж совершенно точно забывала в эти минуты, что она давным-давно как умерла, в квартире ее обитают совсем чужие и не знакомые ей люди, которые вначале и удивлялись, а потом перестали, отчего старая запылившаяся черепаха в углу временами ни с того ни с сего вытягивает морщинистую шею и подмигивает кому-то, слепо глядя мимо них. Или, что даже точнее, сквозь них.

*есть мягкие пальцы стареющих вдов,
есть призраки на пепелище,
есть люди, живущие вне городов
есть звери, идущие в пищу,*

*есть трезвый закон подчиненья всему,
есть радость плетущих интриги,
есть вещи, понятные только уму
есть люди, попавшие в книги,*

*есть демон и дух, ожиданье и час,
есть некто, кто любит до гроба,
есть тот, кто придет исповедовать нас
есть мистификация сноба,*

*есть гордость людская, людская молва,
есть повод родиться по новой,
есть даже пустырь, где бывает трава
на улице зины портновой*

Точное время /Теперь, когда не время для стационарных связей/

В поселке Парголово на домах отродясь не водилось обычных табличек с адресами (типа круглых таких с номером по центру и названием улицы по дуге с затейливой крышей). Дабы новый раз в столетье почтальон не попадал в неловкое положение, владельцы домов писали масляной краской – кто на дверях, кто на калитках, кто на заборе – «Пляжевая (sic!) ул., дом 14а», «Заводская, 4», «Ул. Ломоносова, д.28».

Вот как раз на углу той самой улицы «Ломоносова» и той самой «пляжевой» находилась одиноко стоящая телефонная будка.

Летними вечерами ко всеобщему изумлению будка начинала подсвечиваться тусклой лампочкой под потолком и к ней, неспешно обмахиваясь какими-то веточками, собирались дачники позвонить в город и рассказать, что у нас всё хорошо, саша всё ещё кашляет, но температуры нет, нет-нет, какое купаться, конечно, как у вас?, и, ну ладно, тут народу много в очереди.

Народу много терпеливо ждало, выделяя из себя следующего, который, зайдя в будку, закрывал за собой скрипучую дверь (смысла в этом не было никакого – хоть одно стекло, но обязательно было выбито), раскладывал на неровно покрашенной металлической полочке чуть правее и чуть ниже аппарата растрепанную записную книжку, готовил двушки, прислоняя к уху теплую от предыдущего говорившего трубку, и ждал сквозь гулкий шорох того самого гудка.

Потом вертел непослушный циферблат, иногда застревая в отверстиях пальцем, а иногда упираясь в железный ограничитель (дальше цифр нет!) и ждал момента, когда в ухо раздастся нетерпеливое «алле» и можно будет опустить в чрево аппарата теплую монету (раньше времени не следует – может сожрать). Монета щелчками преодолевала несколько препятствий на своем пути и исчезала навсегда: никто и никогда не видел, чтобы к будке подъезжали люди с мешком и опустошали аппарат, об этом только рассказывали.

Очень плохо было, если там – на другом конце – оказывалось занято. Ведь понятно, что мама-сестра-тетя-бабушка там обязательно должна в это время сидеть на табуретке около своего аппарата на тумбочке с подстеленной какой-нибудь тряпочкой, может, даже с кружевами и вставленной в специальную секцию бумажкой с собственным номером – ждать звонка. И если вдруг кто-то позвонит ей, закричать «ой, я перезвоню, мне сейчас петя-даша-мои должны звонить». А тут вдруг занято. Звонящий тогда осуждающе качал головой, демонстрируя всем окружающим, что вот мол какие они там, в страхе, что стоящие в очереди начнут нетерпеливо стучать монетами по стеклу. Ужас как неловко. А иногда ещё звонящий поворачивался к очереди и говорил виновато «нет связи». Очередь тогда добрела и говорила «а вы попробуйте ещё».

Если же всё складывалось удачно, то разговор мог и затянуться. При этом человек в будке в задумчивости водил пальцем по железной табличке на аппарате с номерами телефонов, по которым следует звонить в случае чего. Иногда даже время заканчивалось и требовалось засунуть в аппарат новую монету (или две по копейке), чтобы продолжить разговор. Тогда

очередь недовольно вздыхала. А если после этого человек пытался, закончив один разговор, позвонить по другому номеру – это уж было совсем неприлично, требовалось выйти и снова встать в конец очереди, – готовилась стучать монетами в стекло. Человек в будке от этого сразу краснел, быстро заканчивал разговор, суетливо собирал листочки с полочки и, сутулясь, уходил прочь.

А ещё около этой будки собирались подростки на велосипедах. Курили, смеялись, куда-то уезжали и возвращались. Их становилось то больше, то меньше, иногда прибежала толстая женщина в домашнем и кричала «коля, ты же сказал на десять минут позвонить». Коля объяснял, что очередь, мол, но был уже забран домой. Потихоньку люди расходились, разговоры становились всё тише.

Вокруг гасли окна.

Изредка прибегал полураздетый мужик вызвать скорую. Дверь скрипела и снова затихала.

А потом оставался один парнишка с велосипедом. Он заходил в будку, прижимал к уху остывающую трубку, набирал 08 и слушал, как строгая тётенька ровным голосом говорила: «Точное время (пауза) двадцать три часа (пауза) восемнадцать минут... Двадцать три часа (пауза) восемнадцать минут... Двадцать три часа (и после паузы с осуждением – мол, хватит хулиганить, мало ли кому ещё нужно узнать точное время и не дозвониться!) девятнадцать минут...". Тогда паренёк вешал трубку, выходил из будки и уезжал куда-то на своём велосипеде.

Вот так однажды он уехал и уже не вернулся.

А тётенька, если кто не знает, хоть состарилась, но всё ещё ходит на работу, озадаченно глядя на молчащий телефонный аппарат, со временем как-то реже и реже задумываясь, отчего же больше никого не интересуется точное время. Может, что-то я сделала не так, тогда тревожится она.

Но уже никто и никогда ей не ответит.

Люди С Зонтиками, Ждущие Трамвая

Как-то раз в одном городе, в котором каждое природное явление, включая, скажем, радугу, случись оно, вызывает незамедлительный и решительный коллапс дорожного движения в любом направлении, оказался дождь.

Нельзя сказать, чтобы это был какой-то особенный дождь. Обычные такие ручейки воды, мятущиеся туда-сюда по привычному маршруту вниз. Но явление это было определенно природным и оттого, как было сказано раньше, автомобили недовольно загудели друг в друга, копошась у каждого перекрестка, определенно не понимая, зачем такому количеству их соплеменников требуется непременно перед ними сворачивать налево (это если самому нужно прямо) или же переть напрямик (это если самому нужно налево). Троллейбусы обреченно опустились унылые, как усы пропившего последнее несвое боцмана, дуги; автобусы завоняли из-под себя черным резиновым дымом.

И все с тоской остановились.

На той узкой полосе между неровными как ни смотри полосами трамвайных путей и стадом бессмысленно шуршащих дворниками машин, что в каком-то Генеральном Проекте зовется остановкой трамвая, зачем-то толпились странные люди. Каждый держал в руке устремленную вверх палку, а вместо головы имел тряпочный или какой там купол.

Это были Люди С Зонтиками, Ждущие Трамвая.

Хотя, повторяю, было очевидно, что трамвая нет и не будет в связи с дождем.

Тем не менее, людей на этой узкой полосе становилось всё больше и больше, и глядя на них, я испугался, что сейчас они повывальывают друг другу глаза, ибо прикрывающие их купола мало того, что опускались ровно на уровне глаз, но и были также предусмотрительно по всему периметру снабжены острыми штырьками.

Но – чудо – никто не воскликнул в этой толпе:

– Мужчина, как вам не стыдно – вы мне выкололи глаз!

И не услышал в ответ обычное:

– Не глаз и был!

Или:

– Одним обойдешься!

Или даже так:

– Не нравится без глаза – ездите на такси!

Нет. Дивная толпа хранила гнетущее молчание, игнорируя даже настойчивый полифонический хрип мобильных телефонов.

И тут мне стало страшно. Мне открылась причина этого покорного молчания.

Дело в том, понял я, что у Людей с Зонтиками, Ждущих Трамвая, просто нет глаз. Совсем нет. И нет ушей. И рук с ногами, честно говоря, тоже нет. Не говоря уже о прочем.

Между нами говоря, у них вообще ничего не было.

Ничего, кроме уставших тел и бессмертных душ.

Романс

Пухлые пальцы теребили упругие струны.

– *А я читала Вас на Open Space...*

Маленькая гитара развратно вжималась в упругие груди. Музыка своей непосредственностью разбавляла тишину этого знойного вечера на веранде.

– Погоды нынче, – многозначительно изрекла ее мамаша под ритмично вращающимся кулером.

– Папенька, папенька – двое в матросках, на первый взгляд близнецы, но – приглядишься – погодки, – ворвались на веранду:

– Там менты Марфушку оттюндрили!

– Эх, проказники, – виновато произнес отец, улыбаясь в густые усы.

– *Пиратский диск мне выдав за реальный, – лилась песня...*

Папенька гладил по жопкам детей, прислушиваясь к незатейливой мелодии, ворчливо по-стариковски бурча в усы: *айн масс, либбен, маленькие сучонки...*

Вечерело.

Студент Петр продолжал бить себя об стену головой.

– Я больше не выдержу этого, не выдержу..

– Анально оттюндрили, – уточнил один из мальчиков.

– О, майн готт, – сказал в паузе студент Петр.

– Чу, выпиздыш, – ласково потрепал по загривку соседского случайного и совсем другого мальчика папаша.

Почуввав неладное, мамашо зевнуло:

– Пора и клубники отведать!

– Мороженую с «Пятерочки» изволите? – почтительно, но вместе с тем с издевкой, прозвучало со стороны.

– *В маршрутке разрешишь мне стоя, – гнусавила неведомым потоком над рекой песня.*

И заблудившиеся комары образовывали над недопустимой прической и обувью с печально открытыми пальцами ног некий полукруг, как будто опасаясь тлеющего сей песней, будившего всё вокруг сердечного фумигатора.

Подали клубнику.

Дед Вомхуй

Каждую осень Дед Вомхуй ходит по лесу, собирает яблоки и ловит ёжиков.

Поймав ёжика, он со всей дури нахуячивает ему на иголки яблоко, опускает на землю и умиrotворенно смотрит.

Иногда пускает старческую слезу умиления.

Ёжики, которым совсем не нравится эта процедура – хер куда с этим яблоком на жопе пролезешь, на спине не поспишь, да воняешь, как скунс, когда оно начнет подгнивать, – за глаза называют дедушку «старый мудаk».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.